

никновения религиозных культов, их содержание и эволюцию в зависимости от конкретной исторической обстановки. В исследовании содержится огромное количество материала, разоблачающего реакционную роль религиозных воззрений у различных народов мира и на различных этапах исторического развития. Все это делает работу С. А. Токарева чрезвычайно ценной и полезной не только для специалиста, но и для массового читателя.

Разумеется, в книге, трактующей возникновение и развитие религиозных верований у всех народов мира и в самые различные эпохи человеческого общества, вскрывающей к тому же «земные корни» религии, могут быть спорные положения. Они имеются и в работе С. А. Токарева. Но, может быть, именно в этом заключается не только слабая, но и сильная сторона рецензируемого исследования, выход которого в свет — благодатный повод для творческой дискуссии вокруг вопросов, недостаточно разработанных с марксистской точки зрения.

Мне хотелось бы остановиться на некоторых из этих спорных вопросов. Автор в основном делит историю религии на два больших периода: религии доклассового общества и переходного периода к классовому обществу (племенные культы) и на религии классового общества, подразделяя их на религии национально-государственные и мировые. В целом с такой классификацией можно согласиться. Однако, на наш взгляд, термин «национально-государственные религии» вряд ли применим к религиям народов Центральной Америки доколумбовой эпохи. Можно ли утверждать, что государства ацтеков в Мексике или инков в Перу носили «национальный» характер? На наш взгляд — нет. Эти государства были разноплеменными, и хотя господствовавшие там религии ацтеков и инков навязывались покоренным племенам силой, они не смогли поглотить другие племенные культы.

Требуется уточнения и понятие «мировые религии», хотя этот термин общепринятый и употребляется как в нашей, так и в зарубежной литературе. По существу ни одна из трех религий — буддизм, христианство и ислам, претендующих на это название, никогда не были «мировыми» религиями. Буддизм получил распространение в некоторых районах Азии, ислам — Азии и Африки. Христианство за пределами Европы навязывалось народам огнем и мечом колонизаторами, в Африке и Азии оно по сей день остается в основном религией европейских завоевателей.

Желательно, чтобы автор при переиздании своей книги (мы не сомневаемся, что книга С. А. Токарева будет неоднократно переиздаваться) уточнил эту классификацию или обосновал ее более обстоятельно.

В новом издании было бы полезно расширить раздел библиографии, дополнив его работами о современном положении религии в различных странах мира. Следовало бы, на наш взгляд, изменить в библиографии название раздела 4-й главы — «Религии отсталых народов Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии». Вряд ли стоит доказывать, что термин «отсталые народы» давно изжил себя.

Книга С. А. Токарева, несмотря на отдельные спорные положения, представляет собой полезный и нужный труд для самых широких кругов советских читателей. Она несомненно войдет в число тех трудов, которыми будут постоянно пользоваться агитаторы и пропагандисты, ведущие атеистическую работу. И в этом — большая заслуга автора.

И. Григулевич

НАРОДЫ СССР

Народы Средней Азии и Казахстана, I. Под редакцией С. П. Толстова, Т. А. Жданко, С. М. Абрамзона, Н. А. Кислякова (Серия «Народы мира». Под общей редакцией С. П. Толстова). М., 1962, 767 стр. *.

Появление фундаментального марксистского исследования «Народы Средней Азии и Казахстана» является крупным событием в советской этнографической науке. Это

* Том «Народы Средней Азии и Казахстана» состоит из двух книг (полутомов), вторая опубликована в 1963 г. Настоящая рецензия посвящена первой книге (первому полутому).

По поручению редакционной коллегии рецензируемого издания пользуемся случаем информировать читателей, что автором текста о современной архитектуре (т. II, статья «Казахи», раздел «Материальная культура») является чл.-корр. Академии градостроительства и архитектуры СССР М. М. Мендикулов. В списке авторов книги фамилия М. М. Мендикулова по технической ошибке оказалась пропущенной.

исследование имеет и большое практическое значение: его материалы — блестящее свидетельство победы национальной политики партии, под руководством которой народы Средней Азии и Казахстана, преодолев вековую экономическую и культурную отсталость, приблизились к новым формам хозяйства, культуры и быта и уверенно идут к коммунизму. Не приходится говорить, какой политический резонанс будет иметь рецензируемый том в социалистических странах и на зарубежном Востоке: ведь в нем дана картина огромных всемирно исторических успехов в развитии республик Советского Востока, представляющая резкий контраст с застойным патриархально-феодальным прошлым дореволюционного Туркестана.

Тот конкретно-исторический подход к исследованию жизни различных народов Средней Азии и Казахстана в разные исторические периоды, который ощущается в томе, очень важен и для самих среднеазиатских народов, так как помогает бороться против пережиточных явлений в быту и сознании людей, в частности, против отсталых тенденций к идеализации прошлой жизни, особенно исторического прошлого кочевых народов.

Рецензируемая книга выгодно отличается полнотой привлечения экспедиционного этнографического материала, являющегося в значительной мере результатом многолетнего систематического, а иногда и сплошного этнографического обследования ряда районов Средней Азии и Казахстана, что дает возможность конкретно показать все стороны жизни, быта и идеологии народов, установить общие закономерности в развитии этнических процессов.

В томе использованы и большой археологический и антропологический материал, эпиграфические и нумизматические данные, а также сведения письменных источников, хотя последние следовало бы привлечь шире.

Весьма обстоятельно и полно проанализирован такой важный статистический источник, как материалы Всесоюзных переписей 1926, и, особенно, 1959 г. В ряде случаев внимательное исследование данных переписи дало возможность подкрепить выводы о направлении современных процессов этнического развития.

Таким образом, авторский коллектив использовал данные самых различных видов источников, что позволило всесторонне и глубоко осветить основные проблемы этнографии Средней Азии и Казахстана.

* * *

Задача, стоявшая перед авторским коллективом, — обобщить весь материал о многовековом процессе развития народов Средней Азии и Казахстана, показать различные формы хозяйства, исторически сложившиеся социальные институты, материальную и духовную культуру, нарисовать полную картину их жизни и быта — могла быть решена потому, что авторы имели возможность опереться на успехи этнографической, исторической и филологической науки, достигнутые за годы советской власти, на огромный полевой материал, на целый ряд ценных монографических работ советских исследователей по представленным здесь народам¹.

Убедительно утверждение авторов, что Средняя Азия и Казахстан составляют единую историко-этнографическую область (стр. 10).

Книга открывается Введением и пятью главами, относящимися к обоим полутомам этого издания. В главе «Географический очерк Средней Азии и Казахстана» (авторы — Э. М. Мурзаев и Б. В. Андрианов) дается обстоятельная характеристика среднеазиатских зон и ландшафтов (степей, полупустынь и пустынь, оазисов в долинах рек, а также горных областей), их климатических особенностей и трех основных хозяйственно-культурных типов (оседлое земледелие, полuosедлое комплексное хозяйство, кочевое скотоводство), ярко выраженных на изучаемой территории в конце XIX — начале XX в. Особенно существенным в этой главе, на наш взгляд, является четкая формулировка выработанного советскими этнографами принципа классификации населения по хозяйственно-культурным типам, как исторически сложившимся комплексам взаимосвязанных особенностей хозяйства и культуры, характерных для народов, находящихся на одинаковом уровне социально-экономического развития и живущих в сходных естественно-географических условиях (стр. 32). И в связи с этим весьма важно подробное описание особенностей жизни земледельческого населения (стр. 34—35), полuosедлого населения (стр. 35—36) и кочевников-скотоводов (стр. 36—37).

Авторы подчеркивают, что эти хозяйственно-культурные типы в процессе исторического развития претерпевали значительные изменения. В советский период, благодаря коренному переустройству сельского хозяйства, исчезли такие типы, как полuosедлое

¹ См. труды М. С. Андреева, А. А. Семенова, С. П. Толстова, Е. М. Пещеревой, Н. А. Кислякова, Т. А. Жданко, О. А. Сухаревой, Г. П. Васильевой, Б. Х. Кармишевой, Г. П. Снесарева, С. М. Абрамзона, Е. И. Маховой, Л. Ф. Моногаровой, Г. Л. Чепелевцевой и др.

комплексное хозяйство и кочевое скотоводство, сменившееся отгонно-пастбищной формой животноводства в ряде колхозов и совхозов. Изменился и весь экономический облик среднеазиатских республик, которые превратились теперь в развитые индустриально-аграрные области.

Специальные лингвистические главы: «Тюркские языки народов Средней Азии и Казахстана» (автор Н. А. Баскаков) и «Иранские языки народов Средней Азии» (автор В. А. Лившиц), написанные на высоком научном уровне, в то же время доступны и для читателя нелингвиста, что является, на наш взгляд, очень существенным для такого рода издания. Интересны основные сведения о тюркских языках соответственно новой уточненной системе лингвистической классификации, которую Н. А. Баскаков разработал ранее².

Предложенное им деление тюркских языков на две большие ветви: западную (куда входят болгарская, огузская, карлукская, кыпчакская группы языков) и восточную (включающую орхоно-тюркскую, древнеуйгурскую или уйгурскую и киргизско-кыпчакскую группы языков) представляется нам в целом правильным, хотя некоторые положения и кажутся спорными, например то, что близкие друг к другу киргизский и казахский языки оказываются не только в различных языковых группах, но даже в различных языковых ветвях. Жаль только, что в этих главах нет ответа на вопрос о причинах тюркизации древнего оседлого иранского населения среднеазиатского междуречья — процесса, который сыграл значительную роль в этногенезе большинства народов Средней Азии.

В рецензируемой книге освещаются общие закономерности развития этнической истории народов Средней Азии и Казахстана, начиная с формирования древней племенной и этнической общности до глубинных процессов формирования и дальнейшей консолидации социалистических наций и сближения их в период развернутого строительства коммунизма (стр. 103—104).

В ряде разделов даны основные итоги комплексного изучения вопросов этногенеза среднеазиатских народов. Авторы стремились дать по возможности всестороннее освещение этой кардинальной проблемы, датировать в ряде случаев основные этапы этногенеза, проследить условия и обстоятельства, ускорявшие или замедлявшие развитие этнических процессов.

Глава «Антропологический состав населения Средней Азии и Казахстана» (автор — В. В. Гинзбург), основанная на результатах тщательного изучения большого краниологического материала, дает определение основных антропологических особенностей населения Средней Азии и Казахстана (стр. 164).

Вполне аргументированным и весьма существенным представляется нам данное во введении (стр. 10) и раскрытое в общем историческом очерке рецензируемой книги (стр. 38—51) положение о том, что Средняя Азия является одним из древнейших мировых центров цивилизации. Это положение, подтвержденное материалами археологических экспедиций, письменных источников, имеет большое политическое значение, так как опровергает утверждения буржуазных историков об «исконно» примитивном образе жизни среднеазиатских народов, которые-де в силу этого являются пассивными и не в состоянии выступать на исторической арене в качестве активной творческой силы.

Основные этапы этнической истории народов Средней Азии и Казахстана (глава написана С. П. Толстовым, Т. А. Жданко, с участием М. А. Итиной и Ю. А. Рапопорта; использованы также материалы И. М. Муминова и М. Г. Вахабова) трудно было бы изложить лучше, чем это сделано в рецензируемой книге³. От первых стоянок первобытного человека и первых государственных образований — Бактрии и Хорезма, через грандиозные передвижения сакских, эфталитских, затем тюркских племен тянется нить изложения к X—XII вв. — переломному периоду в формировании современных народностей Средней Азии и Казахстана, периоду сложения таджикской народности в пределах государства Саманидов на грани IX—X вв., интенсивного формирования узбекской народности в пределах государства Караханидов в X—XII вв., каракалпаков, казахов и туркмен в Приаралье, формирования киргизов на Енисее и Тянь-Шане. Выказано много интересных мыслей — об отсутствии в древнейший период сколько-нибудь резкой этнической или культурной обособленности между населением оазисов и скотоводческими племенами окружающих степей (стр. 49), о былой близости Бактрии и Персии (стр. 56—57), о синкретическом характере кушанской культуры и т. п.

Выдвинутое авторами положение о значении полуоседлого населения в истории культуры Средней Азии, обоснованное конкретным историческим материалом, является важным вкладом в разработку исторической этнографии. Оно имеет также и политическое значение, так как опровергает установившийся в буржуазном востоковедении

² Н. А. Баскаков, Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования, Труды Ин-та языковедения АН СССР, т. I, 1952, стр. 7—57; е го же, Тюркские языки, М., 1960.

³ Вопросы этнической истории освещены также в главах по этнографии отдельных народов.

традиционный взгляд на взаимоотношения «чисто кочевых» степных племен с «чисто оседлыми» земледельческими оазисами как на извечную непримиримую вражду. Между тем основными определяющими моментами в отношениях между кочевниками и оседлым населением были не войны, а мирные торговые, хозяйственные и культурные связи, причем само это резкое деление на «кочевой» и «оседлый» мир неправильно (стр. 49—51, 68, 73, 76 и др.).

Сакские племена рассматриваются в книге как ираноязычные, а сменившие их эфталиты — как племена, подвергшиеся сильному влиянию восточных племен тюрко-монгольского круга (гуннов), стоящие, таким образом, на рубеже между периодами господства иранских и тюркских племенных объединений. В то же время авторы с большой осторожностью подходят к вопросу о тюркизации древнего ираноязычного населения Средней Азии и Казахстана, указывая (стр. 73), что проникновение этнических элементов из Центральной Азии относится к очень раннему времени (IV в. до н. э. и ранее).

Процесс формирования народностей был связан с переходом их от первобытно-общинных и рабовладельческих отношений к феодальным. Можно согласиться с тезисом авторов, что «с X—XI вв. в Средней Азии феодальные отношения стали господствующими, хотя при этом сохранялись пережитки рабовладельческого и первобытно-общинного строя» (стр. 81).

Авторы излагают этнографию народов Средней Азии и Казахстана в тесной связи с историей, культурой и бытом других народов и стран. Они раскрывают древние этнические, политические и торговые связи, культурные взаимоотношения народов на протяжении всей их истории.

Единственно правильная марксистская методология дала возможность советским ученым встать на верный путь и многое сделать для решения очень сложной и трудной проблемы этногенеза, которая завела в тупик буржуазных ученых. Заслугой советских исследователей является, в частности, устранение ошибочного мнения некоторых востоковедов о прямом происхождении узбекского народа от степных племен Дашти-Кыпчака, переселившихся в Среднюю Азию лишь в конце XV — начале XVI в. (стр. 91, 167—172). В действительности же значительным компонентом узбекской народности явилось автохтонное население Мавераннахра, на протяжении ряда веков подвергавшееся тюркизации (особенно активно в XI—XII вв.). Основное ядро тюркоязычной народности, позже принявшей имя узбеков, сформировалось в период существования государства Караханидов (стр. 82—84). Авторы приходят к правильному выводу, опровергающему реакционные пантюркистские и паниранистские «теории»: «Исследование сложной истории формирования народностей Средней Азии показывает, что ни одна из них не восходит непосредственно к какой бы то ни было из этнических групп древности» (стр. 92). И далее отмечается, что тесная связь исторических судеб племен и народов и совместная борьба против иноземных нашествий привели к тесным культурным связям между ними.

В книге получает конкретное раскрытие специфика феодальных отношений в их патриархально-феодальной форме в ряде областей Средней Азии и Казахстана с преобладанием кочевых и полукочевых населения, а также в отдаленных изолированных земледельческих районах. Феодальная эксплуатация прикрывалась здесь оболочкой родоплеменных отношений и выступала в форме родовой «помощи» (стр. 94), родовых обычаев, например, обычаев в способах распределения воды для орошения полей, выгодных феодалам и знати (стр. 177, 204); эта специфика экономических и общественных отношений важна для понимания процессов этногенеза, так как она объясняет тот сравнительно замедленный темп формирования народностей и затем наций, который мы наблюдаем в Средней Азии и Казахстане в позднем средневековье и даже в новый период истории, до Великой Октябрьской социалистической революции.

В рецензируемой книге правильно констатируется, что Средняя Азия и Казахстан накануне их присоединения к России (XVII—XVIII вв.) переживали полосу глубокого экономического, политического и культурного упадка (стр. 95—97). Феодальные отношения, к которым примешивались пережитки рабства и родовых отношений, тормозили прогрессивное развитие народов и переход к новой, капиталистической формации, мешая тем самым складыванию буржуазных наций (стр. 97). Больше того — даже формирование народностей еще не завершилось, хотя элементы национальной общности проявлялись уже достаточно четко (стр. 92—93). Процесс национальной консолидации вместе с ростом капитализма начинался в условиях, когда Средняя Азия и Казахстан входили в состав России. Авторы правильно отмечают, что в целом присоединение остальных феодальных среднеазиатских ханств к стоявшей на более высоком уровне развития России сыграло прогрессивную историческую роль. Вместе с тем при всей прогрессивности контакта между народами Средней Азии и Казахстана, с одной стороны, и великим русским народом и другими народами России, — с другой, в условиях царского режима процесс складывания буржуазных наций в Средней Азии и Казахстане не мог быть полностью завершен (стр. 100—102).

Достоинством книги является конкретно-исторический подход к оценке народных восстаний и национально-освободительных движений среднеазиатских народов в до-

октябрьский период — как против собственных эксплуататоров, так и против гнета военно-феодального империализма царской России, всестороннее рассмотрение их классового содержания, раскрытие наличествующих в этих движениях сложных социальных противоречий. От движений, имевших в целом прогрессивный характер, авторы правомерно отделяют феодально-монархические реакционные движения типа Андижанского восстания 1898 г. под руководством Мадали-ишана.

По нашему мнению, описание народных восстаний в рецензируемой книге следовало теснее увязать с этнической историей. Освободительные движения, являясь сами признаком и проявлением роста национального самосознания народов Средней Азии и Казахстана, были в то же время фактором, ускоряющим процесс формирования и консолидации народностей, а затем и наций.

Исходя из ленинского учения о двух культурах в каждой национальной культуре, авторы дают правильную оценку различным течениям среднеазиатской общественной мысли. Однако при освещении таких неоднородных идейных течений как суфизм и джадидизм авторы, давая в целом правильное их определение, допускают, как нам кажется, некоторое упрощенчество и прямолинейность. Слишком глухо сказано о наличии в раннем суфизме демократического направления (стр. 81), отражающего в форме «народной ереси» оппозицию народных низов ортодоксальному исламу. Что касается джадидизма, то при его оценке следовало бы подчеркнуть, что он не был социально-однородным явлением, и более четко отграничить период до революции 1905 г. от периода последующей реакции. До революции 1905 г. в некоторых течениях джадидизма были известные положительные черты — просветительская тенденция, введение новых принципов обучения (новометодные школы — *джадид мектеби*, в противовес старометодным — *кадим мектеби*); иногда ощущалось даже известное воздействие прогрессивной системы обучения знаменитого русского педагога К. Д. Ушинского (звуковой метод); в школах использовались в переводе на местный язык произведения русских писателей — басни И. А. Крылова, рассказы для детей Л. Н. Толстого и др.

В книге достаточно полно выявлена ведущая роль русского рабочего класса как в дореволюционный период, когда в ряде областей Средней Азии начинал формироваться местный пролетариат и возникали зачатки социал-демократического движения, так и в годы строительства социализма в СССР, когда пролетарский интернационализм и огромная военно-политическая, экономическая и культурная помощь России привели в конечном итоге к ликвидации ужасающей отсталости ее национальных окраин и устранению разницы в уровне развития среднеазиатских областей по сравнению с промышленными центрами страны.

Характерно, что индустриализация национальных республик Средней Азии за счет огромных капиталовложений союзного правительства проводилась в более высоких темпах, чем развитие общесоюзной промышленности, чтобы скорее ликвидировать их отставание от центральных промышленных районов. Авторы книги приводят конкретные цифровые доказательства, — и это очень существенно, поскольку опровергает клевету буржуазных социологов (В. Коларза, А. Парка), утверждающих, будто и после Октябрьской революции Средняя Азия, якобы, остается колонией России.

В рамках Средней Азии и Казахстана сложились к настоящему времени шесть социалистических наций: узбекская, таджикская, туркменская, киргизская, казахская и каракалпакская. Авторы правильно считают, что важной предпосылкой процесса их формирования было национально-государственное размежевание и воссоединение среднеазиатских народностей в суверенных советских национальных республиках (стр. 106). Жаль только, что в разделах, трактующих вопрос о сложении наций, не уточняются основные хронологические вехи этого процесса.

Процесс консолидации наций Средней Азии и Казахстана продолжается и сейчас. Внутреннее развитие этих наций выражается также в том, что с ними постепенно сливаются этнически и территориально близкие им мелкие народности и группы (арабы, курды, белуджи и др.). Как прогрессивный объективный процесс выступает стремление социалистических наций ко все более тесному сближению, к укреплению идеологии интернационализма. В книге, к сожалению, отсутствует вывод о том, что сближение, происходящее между самими сложившимися и консолидирующимися нациями в братской семье социалистических наций СССР, ведет в конечном счете к слиянию всех этих наций в единый советский народ, хотя приведенный материал и весь ход рассуждений авторов подводят читателя именно к такому выводу.

Центральное место в исследовании занимает характеристика современных процессов этнического и хозяйственного развития. Авторы поднимают насущные вопросы хозяйства и быта, культуры и мировоззрения народов Средней Азии и Казахстана, всю совокупность проблем, связанных с построением в нашей стране социализма и с переходом к коммунистическому обществу: значение соревнования за получение звания бригады коммунистического труда, проблемы воспитания человека коммунистического общества и создания коммунистических взаимоотношений и коммунистического быта.

Рецензируемая книга всем своим содержанием раскрывает перед читателем торжество ленинского учения о некапиталистическом пути развития ранее отсталых стран, еще раз подчеркивает, что ленинское учение является острым идейным оружием борьбы

против враждебной нам идеологии расизма, космополитизма, буржуазного национализма.

Большое внимание уделено освещению в этнографическом аспекте процессов, происходящих сейчас в жизни народов Средней Азии и Казахстана, особенно преобразования быта и культуры различных социальных слоев советского общества — рабочего класса, крестьянства и советской интеллигенции.

На большом фактическом материале (стр. 107, 112, 196—233, 429—445, 549—573) показано, как крайне отсталое в прошлом сельское хозяйство Средней Азии благодаря коренной реконструкции за годы Советской власти превратилось в высокопродуктивное социалистическое сельское хозяйство. Это тесно связано с ростом численности высококвалифицированных кадров в сельском хозяйстве, с подъемом культурного уровня сельского населения, что ведет к уменьшению противоположности между городом и деревней и обеспечивает в дальнейшем постепенный переход советской деревни — среднеазиатских аулов и кишлаков — к коммунизму.

В книге подробно рассказывается о социалистическом переустройстве быта и культуры колхозного крестьянства Узбекистана, Каракалпакии и Таджикистана; больших изменениях в семейно-брачных отношениях; о формировании нового социалистического мировоззрения на базе роста общеобразовательного уровня сельского населения этих республик. Хорошо, что авторы раскрывают все эти существенные процессы изменения облика среднеазиатского аула и кишлака на конкретных примерах.

В работе освещаются вопросы быта и культуры среднеазиатских рабочих, сохранение национальной специфики, локальные и производственные различия в жизни разных групп рабочего класса. Показано, как огромный технический прогресс и возникновение крупных промышленных центров и строек властно меняют и облик республик, и весь уклад жизни и быта рабочих. Конечно, в рамках одной книги, хотя бы и значительного объема, невозможно полностью охватить такой обширный круг вопросов. Поэтому, например, изложение истории и современного развития промышленности, быта рабочего класса в Узбекистане дано несколько схематично, без раскрытия самого процесса: как развитие промышленности и технических усовершенствований меняют быт узбекских семей, члены которых становятся рабочими.

В книге показано, как в процессе осуществления культурной революции в среднеазиатских республиках создавалась своя национальная интеллигенция. Правильно подчеркивается рост значения интеллигенции в жизни советского общества в связи с расширением функций и сферы приложения умственного труда в производстве, культурной жизни в период социализма и борьбы за коммунизм. Вместе с тем в конкретном раскрытии проблем, связанных с советской интеллигенцией, чувствуется недостаточная их изученность.

Указывая на необходимость сочетания полезных культурных традиций прошлого (например, в дореволюционной земледельческой технике) с современными научными достижениями, авторы правильно подчеркивают огромную роль производственных навыков и многовекового трудового опыта местного населения в различных видах традиционной хозяйственной деятельности. Уважение к народному опыту и народным знаниям, присущее советской науке, проходит красной нитью через всю книгу. Это уважение и бережное отношение к знаниям трудящихся, глубокое осмысление опыта исторического развития, правильная оценка большого хозяйственно-культурного вклада среднеазиатских народов — характерны для рецензируемой книги. Каждый из народов Средней Азии использует не только свои национальные традиции, но берет все лучшее и прогрессивное из хозяйственно-культурного опыта братских народов, осваивает их трудовые навыки и приемы, их производственные достижения. Если до сих пор в исторической литературе преимущественно освещалось благотворное влияние русской культуры на местное население (сельскохозяйственные орудия, строительство домов русского типа, введение новых культур — картофеля, помидор и т. д.), что было несколько односторонне, — то авторы книги подчеркивают и другую сторону этого процесса: взаимообогащение народов — русские переселенцы научились у среднеазиатских народов приемам поливного земледелия и усвоили его терминологию, переняли «технику» отгонно-пастбищного животноводства, восприняли ряд бытовых деталей.

Следует подчеркнуть очень важное сопоставление, которое проводят авторы при изучении переселения русских в Среднюю Азию в разные периоды: если до революции оно было связано с особыми планами царского самодержавия, например, выселением уральских казаков в 80-х гг. XIX в. на Аму-Дарью, Сыр-Дарью и острова Аральского моря, со столыпинской аграрной реформой, когда переселялись либо кулаки в поисках большей выгоды на новых землях, либо бедняки, гонимые из центральных областей России безземельем и голодом, — то рост численности русского и другого восточнославянского населения Средней Азии в советское время имел качественно совершенно иной характер. Русские, украинцы, белорусы и представители других национальностей СССР приезжали сюда в 1920—1940-е годы в качестве промышленных рабочих, технических специалистов, врачей, преподавателей, научных работников, чтобы оказать помощь в проведении культурной революции, экономических и политических преобразований, а

также в связи с переводом крупных промышленных объектов на восток страны и большим промышленным строительством в Средней Азии и Казахстане в годы Великой Отечественной войны; в последнее время массовое переселение из других республик СССР происходило уже в связи с освоением целинных земель, главным образом в Казахстан.

В свете решений июньского Пленума ЦК КПСС по идеологическим вопросам видно, как важно разоблачение антинаучных буржуазных теорий различного толка в области этнографии. Это является первостепенной задачей советских ученых. Авторы рецензируемой книги решительно опровергают буржуазную фальсификацию действительности и реакционные концепции, вскрывают идейную несостоятельность буржуазной науки.

Разоблачение «теорий» паниранизма, пантюркизма (стр. 92, 106) и панисламизма, мешавшего зарождению национального самосознания народов (ибо общность национальная подменялась общностью по религиозному признаку — общностью мусульман, стр. 97), псевдонаучных построений Пайпса и Уилера, стремящихся представить национальное размежевание как искусственное разобщение народов Средней Азии и замаскированное продолжение угнетательской политики царизма (стр. 106), разоблачение колониаторских расистских теорий об «избранных» нациях и народах «исторически пассивных» (стр. 114), реакционных бредней о неспособности колониальных народов к самостоятельному развитию (стр. 198), искусственных измышлений буржуазной этнографии, сводившей культуру Узбекистана к провинциальному варианту или ответвлению «иранской» или «ирано-арабской культуры» (стр. 356) и др. — красной нитью проходит через всю книгу, свидетельствуя о претворении в жизнь авторским коллективом ленинских принципов критики идеализма в области общественных наук, идейную неприимчивость к реакционной буржуазной идеологии.

Национальная специфика народов Средней Азии и Казахстана раскрывается в главах, посвященных отдельным народам. В рецензируемой книге это главы «Узбеки», «Каракалпаки», «Таджики».

В главе «Узбеки» (авторы — коллектив Института истории и археологии АН Узбекской ССР под руководством О. А. Сухаревой; использованы также материалы К. Акилова, М. Г. Вахабова, Ш. И. Иногамова, К. Л. Задыхиной, Б. Х. Кармышевой и др.) обстоятельно описываются жизнь, быт и культура узбекского народа. Глава насыщена фактическим материалом. Особенно интересны те разделы, в которых излагается историческая этнография узбеков, проблемы формирования узбекской народности, условия развития хозяйства в прошлом: поливное земледелие и система ирригации, созданные кропотливым и многовековым трудом, народный опыт, знания и мастерство в сельском хозяйстве, ремесле и прикладном искусстве, а также разделы о городах и селениях (стр. 262—270), традиционном жилище узбеков (стр. 278—290), семейно-брачных отношениях (стр. 323—330). Удачно выбранная авторами (как этой, так и следующих глав) форма сопоставления прошлого и настоящего в разделах о хозяйственных занятиях, поселениях, жилище, одежде, пище и семейно-бытовых отношениях дала возможность убедительно раскрыть величие грандиозных социальных и бытовых изменений в жизни узбеков.

Глава «Каракалпаки» является результатом многолетнего труда ее автора — Т. А. Жданко (в главе использованы материалы Р. Косбергенова, У. Х. Шалекенова, С. К. Камалова, Б. Исмаилова) по всестороннему изучению этнографии каракалпаков как в историческом аспекте, так и в современных условиях, с привлечением полевых этнографических материалов, данных археологии, истории, сведений письменных источников, фольклора и литературы. Привлекают внимание читателя освещаемые в главе вопросы этнической истории народа, его родоплеменной структуры, своеобразия патриархально-феодалных отношений у каракалпаков (стр. 417, 430—431), характеристика комплексного полуоседлого типа хозяйства, в котором сочетались земледелие, скотоводство и рыболовство (стр. 429, 439, 445—449), что разрушает установившееся в литературе представление о каракалпаках как о «чистых кочевниках». Дается также описание современного состояния хозяйства, материальной и духовной культуры каракалпаков, процессов этнического развития в наши дни. Автор поднимает здесь на конкретном каракалпакском материале важную проблему о полезных и вредных традициях в быту среднеазиатских народов (стр. 497—502).

Глава «Таджики» также написана продуманно и глубоко, с тонким осмыслением значительного фактического материала, в значительной мере собранного авторами (автор Н. А. Кисляков, соавторы — Р. Амонов, О. Л. Данскер, Н. Х. Нурджанов, М. Ш. Шукуров, Н. А. Белинская, А. К. Писарчик; использованы материалы В. Л. Ворониной). Интересно изложены разделы о хозяйстве таджиков, особенно о земледелии и садоводстве, об общественной и семейной жизни, обычаях народа и поверьях, о традиционном таджикском жилище и народном костюме. Заслуживает положительной оценки данная в этой главе подробная характеристика прикладного искусства таджиков и их духовной культуры в прошлом и настоящем (фольклор, литература, театр).

Жаль, что в главе недостаточно проанализирована этимология этнонима «таджик», его упоминания в письменных источниках.

Значительное место в трех последних главах отводится характеристике типов среднеазиатских поселений — аулов, кишлаков, поселков городского типа и городов, причем

авторы стремились осветить этот вопрос по возможности и исторически (возникновение и развитие их в различные периоды), и этнографически (местная планировка, локальные типы жилищ, характер общественной жизни, быт и культура населения в конкретных населенных пунктах), привлекая для решения этой важной проблемы большой археологический и этнографический материал — результат многолетних систематических экспедиций.

Убедительно показано в соответствующих разделах (узбеки стр. 270—273, 276—278; каракалпаки — стр. 463—466, 471—474; таджики — стр. 580—585), как после Октябрьской революции в процессе построения социализма и перехода к коммунизму кардинально изменился облик прежних населенных пунктов, выросли новые селения, новые города и промышленные центры, с четкой и продуманной планировкой, с новыми рациональными архитектурными комплексами, благоустроенные и удобные, соответствующие характеру социалистических производственных отношений, как усиливается тенденция к исчезновению противоположности между городом и деревней (стр. 273, 278 и т. д.).

Авторы правильно подчеркивают положительное влияние на новое строительство учета архитекторами векового строительного опыта местного населения, сохранения и развития прогрессивных традиций национального зодчества в архитектуре современных зданий и планировке населенных пунктов: строительство домов с айванами в селениях для защиты от солнца, наличие балконов, лоджий и козырьков (как видоизменение балахоны) в городских зданиях, обращение окон и фасадов на северо-запад, чтобы уменьшить инсоляцию помещений в условиях жаркого климата и проч.

В книге содержится богатый фактический материал об одежде, причёске и украшениях, об их национальных (узбеки — стр. 292—304, каракалпаки — 475—485, таджики — 604—608), локальных, возрастных и других особенностях, истории их бытования, об устойчивых формах традиционного народного костюма и изменениях одежды в современном быту под влиянием общественной культуры.

Очень важно данное в этих главах описание одежды в зависимости от различия общественного и семейного положения, в частности, головных уборов девушек, молодых (келин) и пожилых женщин, а также ритуальных форм одежды (свадебной, погребальной, траурной), которые позволяют реконструировать более архаичные формы народного костюма.

Отдельные предметы одежды, головных уборов и украшений часто являются свидетелем давних этнических и культурных связей народов Средней Азии и Камско-Волжского края: например, татарские рубашки у узбеков, каракалпачек, таджичек; женский шлемообразный головной убор каракалпачек, близкий головному убору чувашек, башкирок и удмурток (стр. 483—484). Жаль, что для наглядности не дано фотографии каракалпачьего саукеле в сопоставлении с чувашским, башкирским и удмуртским головным убором.

Интересны сопоставления основных черт городской (более подверженной изменениям) и сельской (более устойчивой) форм одежды. Правильно положение авторов что народный костюм формируется в процессе сложения каждого народа, отражая своеобразие его художественного вкуса и культуры, устойчиво в течение длительного времени сохраняет свою специфику и, вместе с тем, в Средней Азии имеет значительное число общих черт, свидетельствующих о тесных этнических и исторических связях народов на протяжении веков.

Устойчивость народной одежды объясняется также ее приспособленностью к местным климатическим условиям, ее рациональными чертами, проверенными многовековым народным опытом (защита от палящего солнца и пр.).

Много интересных сведений сообщают авторы в специальных разделах трех последних глав о пище, национальной кухне и традиционном пищевом режиме узбеков, каракалпачков и таджиков, в чем находят свое отражение как природно-хозяйственные условия их жизни, так и этнические и культурные связи. В этих разделах показано, как за годы Советской власти изменился, стал гораздо богаче и разнообразнее пищевой рацион населения в связи с ростом материального благосостояния и расширением связей между народами.

В книге подробно рассмотрен общественный и семейный быт среднеазиатских народов (узбеков — стр. 314—331, каракалпачков — стр. 490—501, таджиков — стр. 612—622): дореволюционный семейно-бытовой уклад с его довольно архаичными чертами (пережитки патриархальной большесемейной общины, экзогамия у каракалпачков, авункулат, левират, сорорат, обычаи избегания, усыновления и др.) и, одновременно, господством шариата с его нормами, унижительными для женщины (многоженство, калым, экономическая зависимость, юридическое бесправие, у таджиков и узбеков в ряде мест — затворничество и т. д.); показаны и те изменения, которые внесла революция в структуру семьи и внутрисемейные отношения.

Книга содержит конкретные документальные сведения о борьбе партии и государства за освобождение женщины от влияния установлений ислама, от ее многовековой социальной приниженности, унижительных обычаев прошлого. В этих же главах раскрывается, как в настоящее время советская общественность борется против постепенно

отживающих косных традиций старого общества, которые рядом буржуазных националистов (Мустафа Чокаев, Вели Каюм-хан и др.) выдавались за «национальную специфику». Особенно остро ставится вопрос оценки национальных традиций — полезных и вредных, и вопросы практической борьбы с вредными пережитками старины.

Авторы правильно подчеркивают, как важно вести научно-атеистическую и воспитательную работу среди населения не только путем пропаганды и агитации, но и созданием новых советских традиций в общественной и семейной жизни: народных праздников (праздник весны, праздник животноводов при начале отгона скота на пастбища, праздник урожая и др.), комсомольской свадьбы, торжественного наречения имени ребенка, гражданской панихиды с участием представителей городской и колхозной общности.

Жаль только, что в этих разделах недостаточно подчеркнута роль трудового воспитания детей в семье, являющегося прекрасной народной традицией и у земледельцев, и у скотоводов, и у ремесленников: народ передавал из поколения в поколение свой трудовой опыт, умение, производственные навыки, что получило свое отражение и в устной народной поэзии.

В специальных разделах трех последних глав освещаются вопросы духовной культуры, излагается история развития фольклора, литературы и всех видов искусства (народного и профессионального) узбеков, каракалпаков и таджиков с древнейших времен до наших дней.

Досадно, что в столь продуманные разделы о духовной культуре вкрались неточности (определение узбекских дастанов как стихотворных поэм, ошибочное перечисление дастанов в цикле «Гор-оглы», стр. 360—361).

Уже один только краткий перечень тематики рецензируемого труда показывает, какая сложная и трудоемкая задача стояла перед авторским коллективом, и нужно сказать, что он с этой задачей вполне справился.

Трудность создания настоящей книги очевидна каждому читателю. Ясно, что дать впервые такое многогранное и всестороннее обобщение по этнографии народов, населяющих Среднюю Азию и Казахстан, как в прошлом, так и в настоящем, поднять всю сумму сложных и многочисленных проблем, связанных с этнической историей народов, и в значительной мере решить эти проблемы на основе анализа огромного фактического материала — мог лишь высококвалифицированный коллектив исследователей, включающий не только этнографов, но и археологов, историков, антропологов, географов, картографов, лингвистов, филологов, искусствоведов и других специалистов.

Следует отметить еще одну, весьма существенную сторону работы творческого коллектива авторов, создавших рецензируемую книгу — сама она явилась результатом органического многолетнего научного сотрудничества ученых Москвы, Ленинграда, Ташкента, Алма-Аты, Ашхабада, Душанбе, Фрунзе, Нукуса и др. — сотрудничества русских ученых и ученых из национальных республик. Книга эта служит конкретным проявлением подлинной дружбы народов СССР, одним из многочисленных фактов, раскрывающих роль русских советских ученых в создании крупных научных центров в братских республиках, в подготовке национальных научных кадров, в частности кадров этнографов, что дало возможность широким фронтом развернуть сплошное этнографическое изучение районов Средней Азии и Казахстана и разрабатывать на этом благодарном материале наиболее кардинальные вопросы этнографической науки.

Книга богато иллюстрирована — рисунками, фотографиями, большей частью представляющими собой полевой материал, а также картами, составленными специально для этого издания. Следует отметить и содержащийся в книге научный аппарат — указатели, глоссарий, список рекомендуемой литературы и др.

Рецензируемая работа представляет собой труд большого научного и политического значения, содержащий глубокие обобщения и выводы, и является крупным вкладом в фонд советской и мировой исторической науки.

А. Валитова

Антропологический сборник III. Труды Института этнографии АН СССР, т. LXXI, М., 1961, *Антропологический сборник IV.* Труды Института этнографии АН СССР, т. LXXXII, М., 1963.

В течение последних лет в серии Трудов Института этнографии АН СССР вышли в свет два крупных сборника антропологических работ: «Антропологический сборник III» и «Антропологический сборник IV». Обе книги, общий объем которых превышает 30 печатных листов, содержат статьи ряда авторов, посвященные главным образом изучению антропологического состава населения различных территорий Советского Союза в разные хронологические эпохи, вплоть до современности. В связи с характе-